

С.А. Карюнова
Вологодский государственный университет

МОНОТОННОСТЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ РОМАНА А. ШНИЦЛЕРА «ТЕРЕЗА»

В статье рассматривается роман А. Шницлера «Тереза», кратко затрагивается история создания данного произведения, основной акцент исследования сделан на структурный принцип его построения. Монотонность и рекуррентность играют важную роль в хронике А. Шницлера.

Роман, австрийская литература, хроника, монотонность, рекуррентность.

Артур Шницлер считается «мастером новелл». За свою жизнь он написал всего лишь два романа – «Der Weg ins Freie» (1908) и «Therese. Chronik eines Frauenlebens» (1928), которые обрамляют его творчество.

Одни литературоведы считают, что романы Шницлера были неудачными и слабыми по сравнению с его новеллами, а другие утверждают, что роман «Тереза» является вершиной позднего периода творчества писателя. Как бы там ни было, оба произведения представляют интерес для исследователей творчества Артура Шницлера.

В рамках творчества писателя история создания «Терезы» считается наиболее продолжительной – автор занимался им почти 40 лет. Идея произведения берет свое начало в новелле «Сын» («Der Sohn»), которую Шницлер заканчивает в 1889 году и публикует в 1892 году в газете «Freie Bühne».

Новелла повествует о случае убийства: сын убивает свою мать. Перед смертью женщина рассказывает врачу историю своей жизни и утверждает, что ее сын не виноват, так как в ту ночь, когда ребенок родился, она пыталась его убить: мать накрыла ребенка покрывалами, надеясь, что он задохнется, но этого не случилось. То, что сын дурно с ней обращался, женщина считала мстью за страх смерти, который ее ребенок испытал в первые часы своей жизни.

Затронутая в новелле тема не отпускала автора; в письме к Гофмансталу от 15 июля 1898 года Шницлер упоминает о возобновлении работы над «Sohn-Motiv» в связи с мыслью о создании второго романа: «Старый набросок новеллы “Сын” (Muttermörder) складывается в моей голове в нечто, что вполне могло бы стать романом» [1, s. 105]. Шницлер заканчивает работу над произведением во второй половине 20-х годов, в 1928 году публикуется роман «Тереза. История жизни одной женщины» («Therese. Chronik eines Frauenlebens»).

«Тереза» – это история жизни женщины, которую в конце убивает собственный сын, родившийся вне брака.

Тереза Фабиани родилась в Вене в семье офицера. Ее отец, Губерт Фабиани, преждевременно выходит в отставку и уезжает с семьей из Вены в Зальцбург. Там он пишет сочинения на военную тематику, но ру-

кописи его отклонены, и он постепенно сходит с ума, проведя последние годы своей жизни в психиатрической лечебнице. Мать Терезы собирает у себя по вечерам сомнительные компании, пишет пустые тривиальные романы. Брат Карл заканчивает гимназию и уезжает в Вену получать дальнейшее образование. Тереза остается одна, жизнь ей кажется скучной, она мечтает о любви и блеске большого города, например Вены.

Любовь Тереза находит быстро и столь же быстро романтическое и невинное чувство ее друга, Альфреда Нюльхайма, отвергает ради отнюдь не невинных притязаний привлекательного офицера. Радости этой страсти скоро заканчиваются, а Тереза покидает родительский дом и отправляется в Вену искать счастья. Счастья героиня так и не находит, поскольку ей приходится зарабатывать на жизнь службой в качестве бонны и гувернантки. Кроме того, она опять влюбляется, и на сей раз эти отношения заканчиваются беременностью. К такому повороту событий Тереза оказывается совершенно не подготовленной и ведет себя более чем беспечно, не предпринимая никаких действий, она пускает все на самотек. В результате на свет появляется ребенок, а возлюбленный исчезает из ее жизни.

Вся дальнейшая жизнь превращается в цепь новых влюбленностей и переходов с одной работы на другую, из одного дома в другой. Замуж Тереза так и не вышла. Воспитанию сына она не уделяет должного внимания, в результате он вырастает хулиганом, враждует в кругу преступников, время от времени вымогает у матери деньги. В конце концов, Франц убивает мать, когда та больше не в силах удовлетворять его денежные запросы.

Идея романа «Тереза» развивается из мотива вины и покаяния, который выражен в новелле «Сын». Однако тематика несколько изменяется: от истории сына-матереубийцы автор переходит к более широкому изображению жизни женщины на рубеже веков. Из «случая» вырисовывается хроника, которая подчеркивает социальную зависимость героини от окружающего ее общества. Следует отметить, что идея завершения романа долгое время оставалась проблематичной для Шницлера, он несколько раз с различными нюансами изменял конец произведения в процессе его создания. Автор постепенно вводит эпических персонажей в хронику,

в связи с чем акцент с мотива вины и покаяния в новелле переносится на изображение социального существования матери и ее сына.

Хроника – существенный структурный элемент повествования в романе «Тереза», но она как будто образует только внешние рамки (недаром она особенно четко видна в начале и в конце произведения). В некоторых моментах хроникальная структура растворяется, исчезает, но в общем и целом она сохраняется как ритм произведения. Она служит основой развертывания художественной монотонности и отступает на задний план тогда, когда изображаются наиболее важные события в жизни Терезы. Таким образом, для описания жизни женщины на рубеже веков Шницлер выбирает наиболее близкую к действительности форму повествования – хронику.

В романе «Тереза» начало преимущественно субъективное: реальные события по своему значению и месту вторичны, а первичен способ их переживания, способ интерпретации действительности. Здесь возникает необходимость отобразить их временную протяженность, что создает эффект *настроения* произведения как общего эмоционального фона, должного быть переданным читателю. Этим общим для всего романа фоном становится настроение разочарования. Таким образом, в тесной связи с архитектурой произведения выступает стилевой компонент. Стилиевые особенности прозы Шницлера обеспечивают создание настроения, чувственной атмосферы.

Стиль хроники предполагает претеритальную форму повествования, которая прерывается прямой, косвенной и несобственно-прямой речью, а также внутренним монологом при изображении ключевых моментов в жизни главной героини. Автор мало пользуется прямой речью, которая обычно показывает динамику в развитии событий. Таким образом, в периодах жизни, наиболее окрашенных однообразием и монотонностью, читатель не видит диалога персонажей, а вместе с тем и прямой речи. Для оформления коммуникативных высказываний героев используется также особый вид косвенной речи, при котором диалог как бы сжимается, сливается в несобственно-прямую речь:

«Eine unbestimmte Angst durchbebte sie, die aber geradezu in Seligkeit dahinschmolz, als er ihr am Samstagabend am gewöhnlichen Treffort an der Stadtparkecke heiter, strahlend und jung entgegenkam. Warum er ihr nicht geantwortet habe. – Geantwortet? Wieso? Er hatte keinen Brief bekommen. Wohin hatte sie ihm denn geschrieben? Ins Atelier? Aber hatte sie denn vergessen, dass er übersiedelt war? – Übersiedelt – ? – Aber ganz bestimmt hatte er ihr's neulich gesagt» [2, s. 39].

Поток сознания главной героини повествовательного оформляется с помощью несобственно-прямой речи и внутреннего монолога; поток сознания мы можем наблюдать в центральных моментах развития действия. Так, в ночь рождения ребенка эмоциональность и взволнованность Терезы показана посредством нарастания несобственно-прямой речи к внутреннему монологу: «Adieu, mein Kind. Eins von uns zweien wacht nimmer auf – oder wir beide nimmermehr. Ich mein's dir ja gut, mein süßes Kinderl. Ich bin nicht die rechte Mutter für dich. Ich verdien' dich ja gar nicht. Du darfst nicht leben» [2, s. 57].

Еще один внутренний монолог принадлежит Францу, в нем проявляются мысли и чувства сына при покушении на мать: «Wieder die Klingel, dreimal, fünfmal, immer rascher hintereinander. Was sollte man tun? Zum Fenster hinaus? Der Stock tief? Wieder ein Blick auf die Mutter. Nein, es war nichts geschehen. Sie blickte mit offenen Augen, bewegte die Arme, ja, ihre Lippen zuckten. Die Klingel schrillte ununterbrochen weiter. Es blieb nichts übrig, als zu öffnen. Man konnte dann immer noch an den Leuten vorbei, hinunter über die Treppe und auf die Straße» [2, s. 155]. Тереза остается единственным персонажем романа, который во внутреннем монологе может говорить «я». Безличное «man» в веренице размышлений сына обозначает дистанцию между сознанием рассказчика и персонажа.

Динамику повествования обеспечивает в первую очередь структура произведения. Сама хроника уже показывает нам события в их последовательности, в их развитии. Однако нужно признать, что роман «Тереза» становится динамичным благодаря своей монотонности, как бы парадоксально это ни звучало.

Гофмансталь так описывает свое восхищение романом «Тереза» в письме Артуру Шницлеру от 10 июля 1928 года: «Ваша заслуга в том, что Вы придали произведению ритм, вследствие чего оно стало поэтичным. Именно то, что события в жизни героини намеренно повторяются бесчисленное количество раз, могло бы как раз показаться недалекому читателю монотонным. Вам же это позволило развернуть Вашу ритмическую силу до волшебства. Это именно то преимущество, которое выделяет этот шедевр и сохраняет его живым на долгое время» [1, s. 125].

Шницлер и сам признает, что монотонность как принцип построения повествования необходимо применить для формального и содержательного развертывания однообразной жизни Терезы Фабиани: «Повторение – это преднамеренный прием» [1, s. 125].

Повторение как основной элемент структуры романа выражается прежде всего многочисленными местами службы Терезы. В целом названы 26 мест, и дополнительно в 23 главе, с которой начинается ее профессиональная деятельность, рассказчик упоминает, что Тереза «еще несколько раз» меняет место. Рабочая жизнь протекает по одному и тому же основному образцу: прием на работу – служба – увольнение. Так возникает итеративный ритм жизненного пути главной героини, который разбивается на многочисленные отрезки сменой места работы.

Вариации ее рабочих отношений обусловлены статусом и поведением работодателей, разнообразным кругом обязанностей, ее отношением к детям и хозяйкам дома; различно по продолжительности и время ее работы. Увольняли Терезу либо хозяева, либо она сама уходила с места работы. «Путешествие» героини по бюргерским домам Вены рубежа веков формально отражается в делении романа на 106 коротких глав. Такое деление текста гармонирует по форме и содержанию с повторяющимся изображением жизни главной героини.

Жизненный ритм Терезе диктуют рабочие отношения. Формально они играют не последнюю роль в произведении и обрамляются, с одной стороны, начальным положением семьи Фабиани в Зальцбурге, а с другой стороны, тем, что Тереза получает «две меб-

лированные комнаты с кухней» в пригороде Вены. Так, с помощью пространственного перемещения героини получается трехчленная структура романа. Это деление произведения на три части соответствует схеме развития сюжета: «разобщение семьи – порочный круг и вина – освобождение». Примечательно, что эпизоды проживания в Зальцбурге и в Вене (по сути это тоже повторение) объединяет то, что они оба рисуют семейную ситуацию. Таким образом создается параллель между начальной и конечной ситуацией романа.

Повторение как участь жизни является определяющим не только для сферы работы, но, кроме того, образует основной мотив и для любовных связей Терезы. В романе называются 10 любовников, большинство из которых являются только каким-то мимолетным увлечением в «хороводе». Отношения сменяют друг друга, за началом следует разрыв, и, несмотря на все вариации, они остаются в основе протекания такими похожими, что Тереза в своих воспоминаниях едва бы смогла различить их, выделить как неповторимые. В большинстве случаев ее влюбленности заканчиваются так же внезапно, как и начинаются: она «быстро прерывает их», получает «веселое прощальное письмо» или больше ничего не слышит о «нем» и «в общем рада этому». Все три цитаты взяты из повторяющихся глав в середине романа и не случайно схожи с тем, что Тереза внезапно меняет друг за другом несколько семей. Если рассматривать расстановку этих образов, то их появление соотносится с концентрацией служебных отношений в середине романа. В главах с 58 по 62 Тереза вместе с местами работы меняет и любовников, так что создается параллель между работой и любовью в аналогичном ритме. Это структурное совпадение показывает, что жизнь Терезы разделена на отдельные события, которые в каждой главе являются попыткой начать что-то новое. Но ничего нового не происходит, вся жизнь Терезы – это лишь повторение того, что уже с ней случилось. Читатель ожидает перемен в судьбе героини, но снова и снова переживает ее неудачи в работе и любви. Читатель разочарован и чувствует безнадежность, которая правит в жизни Терезы.

Начинается «хоровод» любовников Максом и Казимиром, а заканчивается Альфредом, Рихардом и Вольшайном; всем им, по сравнению с другими интрижками, присуща видимость действительно человеческих отношений благодаря повышенному вниманию со стороны автора. Но даже и эти отношения, которые на протяжении нескольких глав показывают некоторое постоянство, в конечном счете повторяют, только в более широкой форме, прежние мимолетные влюбленности. «Mit seiner Liebe und ohne seine Liebe – sie war in gleicher Weise allein» [2, s. 41]. Эти мысли Терезы касаются Казимира, отца ее ребенка, но по существу может иметься в виду любой другой. Принцип повторяемости сглаживает возможность перемен и оставляет

Терезу в одиночестве. Это одиночество героини не может быть преодолено в поверхностных и ни к чему не обязывающих любовных связях.

Насколько широко художественная монотонность входит в структуру произведения, показывает рекуррентность различных ситуаций, которые отсылают друг к другу как повторение одного и того же. И Казимир, и Рихард принимают Терезу за итальянку, оба говорят о «рабстве» ее профессии, а с Альфредом она шагает спустя много лет по тем же дорогам, по которым они уже ходили вместе во времена их дружбы в молодости, а потом сидели «на той самой скамье» в полуденный час. Можно привести другие повторяющиеся тематические элементы, как, например, летний отдых за пределами Вены, поездки в Энцибах, воскресные обеды у Вольшайнов, визиты к брату, пребывание в Зальцбурге и т.д.

Можно сказать, что роману присущ ритм напрасности, бесполезности, так как постоянное возвращение не предполагает целенаправленного развития. Тереза возвращается к уже пережитому, и ее взгляд на мир, так же как и понимание мира, в корне не меняются. Повторение в «Терезе» образует монотонность возвращения одного и того же, это попадает в поле зрения героини. Во время прогулки с Вольшайном и его дочкой Тильдой она попадает в трактир, в котором когда-то была с Казимиром: «Waren es nicht am Ende dieselben Kinder, wie damals, die dort auf der Wiese herumliefen, – wie es der gleiche Himmel über ihr, die gleiche Landschaft und das gleiche Gewirr von Stimmen war?» [2, s. 121]

Взгляд Терезы на мир неподвижен. Автор показывает не отсутствие развития, а застывший взгляд самой героини, направление которого остается неизменным. Тереза снова и снова переживает «вечное возвращение»: «Therese war es, als hätte sie das alles schon einmal erlebt, aber sie wusste nicht wann und wo» [2, s. 98].

Но все же «намеренная повторяемость» в повествовании, о которой писал Гофмансталь, преодолевается в контексте центральной темы. Взятая из новеллы «Сын» фабула оказывается неповторимой, уникальной, и она диаметрально противостоит структуре повторения, которую создает монотонность.

Таким образом, монотонность, являясь структурным принципом построения романа А. Шницлера, придает повествованию динамику, вовлекая читателя в однообразную унылую жизнь героини, с завидным постоянством меняющей места службы и любовников.

Литература

1. Kiwit, W. Sehnsucht nach meinem Roman: Arthur Schnitzler als Romancier / W. Kiwit. – Bochum : Winkler, 1991. – 270 s.
2. Schnitzler, A. Therese / A. Schnitzler // Romanzeitung. – 1973. – № 11. – 160 s.

S.A. Karonova

MONOTONY AS A STRUCTURAL PRINCIPLE OF CREATING THE NOVEL «TERESA» BY A. SCHNITZLER

The article examines the novel by A. Schnitzler «Teresa», briefly touches upon the history of the creation of this work. The research is mainly focused on the structural principle of its composition. Monotony and recurrence play an important role in A. Schnitzler's chronicle.

Novel, Austrian literature, chronicle, monotony, recurrence.